Люк Дженингс
УБИВАЯ ЕВУ
ЧИТАЙТЕ КНИГУ
И СМОТРИТЕ СЕРИАЛ
AMEDIATEKA
HOME OF HBO

Люк Дженнингс
Убивая Еву
Серия «Кинostory»
Серия «Убивая Еву», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43517807
Л. Дженнингс. Убивая Еву: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113162-3

Аннотация

«Убивая Еву» – это шпионский триллер, который лег в основу одноименного сериала. Книга пронизана едкой иронией и повествует о двух женщинах – разведчице Еве Поластри и киллере Вилланель. Ева отличается от типичного спецагента отсутствием каких-либо суперспособностей: она обычная женщина, которая устает и испытывает страх. Это рядовая сотрудница спецслужб, и лишь случайное стечение обстоятельств приводит ее к руководству одним непростым делом…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 55
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Люк Дженнингс
Убивая Еву

© Luke Jennings, 2016
© Г. Л. Григорьев, перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

Палаццо Фальконьери располагается на мысе, на берегу одного из итальянских озер, но не самых знаменитых. Сейчас конец июня, и тихий бриз овевает сосны и кипарисы, рассыпанные мелкими группами, словно бригады часовых, по скалистому ландшафту. Сад величав и, пожалуй, даже прекрасен, но его плотные тени и строгие очертания самого палаццо создают ощущение неприступности.

За стеклами высоких, смотрящих на озеро окон видны шелковые шторы. Банкетный зал в восточном крыле сейчас служит комнатой для совещаний. В центре зала, под тяжелой люстрой в стиле ар-деко, – длинный стол с бронзовой пантерой Рембрандта Бугатти.

Вокруг стола сидят двенадцать мужчин довольно заурядной внешности. Но, судя по дорогим костюмам, это успешные люди. Большинству около шестидесяти лет, их лица – из тех, что не остаются в памяти. Но обращает на себя внимание общая черта – неослабевающая настороженность.

С утра здесь проходит совещание на английском и русском языках – ими владеют все присутствующие. Затем легкий ланч на террасе: закуски, озерная форель, охлажденное вино верначча, свежий инжир и абрикосы. После ланча мужчины пьют кофе, созерцают озерную гладь, покрытую рябью от бриза, и прогуливаются по саду. Там нет охраны – на та-

ком уровне секретности сами охранники уже источник риска. Вскоре мужчины возвращаются в затененный зал. Повестка дня озаглавлена одним простым словом: ЕВРОПА.

Первым берет слово загорелый человек неопределенного возраста с глубоко посаженными глазами. Он оглядывает сидящих за столом.

– Сегодня, господа, мы уже обсудили политическое и экономическое будущее Европы. В частности, побеседовали о денежных потоках и о том, как лучше их контролировать. А сейчас мне хотелось бы обратиться к иной тематике.

В зале гаснет свет, и двенадцать голов поворачиваются к экрану на северной стене; там – фото средиземноморского порта с контейнеровозами и причальными перегрузочными кранами.

– Палермо, господа, на сегодняшний день – главный пункт доставки кокаина в Европу. Итог стратегического союза между мексиканскими наркокартелями и сицилийской мафией.

– Разве сицилийцы еще имеют какой-то вес? – спрашивает человек слева от докладчика. – У меня впечатление, что наркоторговля – бизнес материковых синдикатов.

– Так и было. Еще полтора года назад картели принципиально работали только с калабрийской Ндрангетой. Но в последние месяцы вспыхнула война между калабрийцами и мятежным сицилийским кланом Греко.

На экране появляется лицо. Взгляд темных глаз холоден

и насторожен. Линия рта – словно капкан.

– Сальваторе Греко посвятил всю жизнь тому, чтобы возродить влияние своей семьи. Еще в девяностые, когда отца Сальваторе устранили члены конкурирующего клана Маттео, она лишилась голоса в коза ностре. Через четверть века Сальваторе выследил и перебил всех Маттео до единого. Греко и их союзники Мессино – самые богатые, могущественные и грозные сицилийские кланы. Известно, что Сальваторе собственноручно убил не менее шестидесяти человек и сотни людей по его приказам лишились жизни. Сейчас ему пятьдесят пять, он безраздельно властвует в Палермо и контролирует всю местную наркоторговлю. Общий оборот его предприятий – где-то двадцать-тридцать миллиардов долларов. Так что, господа, он почти один из нас.

По залу пробегает легкая рябь веселого – или близкого к тому – изумления.

– Главная проблема с Сальваторе Греко отнюдь не его страсть к пыткам и убийствам, – продолжает докладчик. – Когда одни мафиози убивают других, это вроде самоочищающейся печи. Но с недавних пор он стал заказывать членов истеблишмента. Сейчас на его счету уже двое судей, четверо важных чиновников – они взорвались в машинах – и журналистка, убитая на пороге собственного дома. Она была беременна. Ребенок не выжил.

Он делает паузу и обращает взгляд на экран с фотографией мертвой женщины, распластавшейся навзничь в луже

крови.

– Надо ли говорить, что непосредственную причастность Греко к этим преступлениям установить невозможно? Полицейских подкупали или запугивали, свидетелям угрожали. Кодекс молчания, омерта, превыше всего. Этот человек неприкосновенен в самом буквальном смысле. Месяц назад я отправил к нему посредника – договориться о встрече, поскольку считал, что нужно достичь хоть какого-то согласия. Его действия в этом уголке Европы приобрели чрезмерный размах и стали угрожать нашим собственным интересам. Греко откликнулся незамедлительно. На следующий же день я получил запечатанный конверт. – Фотография на экране меняется. – Как видите, в нем я нашел глаза, уши и язык своего посыльного. Смысл письма предельно ясен. Никаких встреч. Никаких переговоров. Никакого согласия.

Люди за столом некоторое время не отрывают глаз от кошмарного кадра на экране, а затем переводят взгляд на говорящего.

– Господа, полагаю, нам следует принять оперативное решение относительно Сальваторе Греко. Это чрезвычайно опасная, неконтролируемая сила, с которой правоохранительные органы справиться не в состоянии. Его преступная деятельность и хаос, который она за собой влечет, угрожают стабильности всего средиземноморского сектора. Предлагаю исключить его из игры окончательно.

Поднявшись, докладчик идет к фуршетному столику и

возвращается с антикварной лакированной шкатулкой. Вынимает из нее черный бархатный кисет и высыпает содержимое на стол. Двадцать четыре рыбки из слоновой кости: половина – гладко-желтой окраски, другая половина – с протравленными кроваво-красными пятнами. Каждый из присутствующих получает пару разных цветов.

Бархатный кисет совершает круг по столу против часовой стрелки, и каждый кладет в него по рыбке. Совершив полный оборот, кисет возвращается к человеку, который объявил голосование. Содержимое вновь высыпано на смутно поблескивающую поверхность стола. Двенадцать красных рыбок. Единодушный смертный приговор.

Двумя неделями позже, вечером, Вилланель сидит за столиком на открытой террасе парижского частного клуба «Жасмин» в Шестнадцатом округе. С восточной стороны доносится глухой рокот машин на бульваре Суше; на западе – Булонский лес и ипподром Отёй. Терраса ограждена шпалерой с цветущим жасмином, теплый воздух пропитан его ароматом. Большинство столиков заняты, но разговоры едва слышны. Дневной свет постепенно меркнет, близится ночь.

Вилланель делает долгий глоток мартини с водкой «Грей Гус», украдкой изучая окружающих и уделяя особое внимание паре за соседним столом. Обоим около двадцати пяти; он – элегантно небрежен, она – утонченная, похожая на кошку. Брат и сестра? Коллеги? Любовники?

Определенно не брат с сестрой, приходит к выводу Вилланель. Между ними чувствуется натянутость сообщников – все что угодно, только не семейные отношения. Кстати, они не бедны. Взять хоть ее шелковый свитер: темно-золотистые оттенки – под цвет глазам. Не новый, зато настоящий «Шанель». И пьют они марочное шампанское «Теттенже», а в «Жасмине» оно весьма недешево.

Поймав взгляд Вилланель, парень на пару сантиметров приподнимает свой бокал. Он шепчет что-то спутнице, и та пронзает девушку холодным оценивающим взором.

– Не желаете к нам присоединиться? – обращается она к Вилланель. Приглашение – и вызов.

Вилланель спокойно смотрит ей в глаза. Бриз колеблет напоенный ароматом воздух.

– Мы не настаиваем, – говорит парень, его косая ухмылка не вяжется с невозмутимым взглядом.

Вилланель встает и поднимает бокал.

– С удовольствием присоединюсь. Я ждала подругу, но она, видимо, задерживается.

– В таком случае… – Парень приподнимается со стула. – Меня зовут Оливье. А это Ника.

– Вилланель.

Беседа течет весьма шаблонно. Оливье с недавних пор пытается сделать карьеру в галеристике. Ника время от времени подрабатывает актрисой. Они не родственники, да и на любовников при ближайшем рассмотрении тоже не тянут.

Но все равно есть нечто неуловимо эротическое и в их сообщничестве, и в том, как они втянули ее в свою орбиту.

– А я трейдер, – говорит им Вилланель. – Валюта, процентные фьючерсы и все такое. – Она с удовлетворением отмечает, как в их глазах гаснет любопытство. Если нужно, она может часами беседовать о внутридневном трейдинге, но им это не интересно. Поэтому Вилланель переходит к рассказу о версальской квартире на первом этаже, откуда она ведет свои операции. Этой квартиры не существует, но Вилланель способна описать ее вплоть до железных завитков на балконе и выцветшего персидского ковра на полу. Ее легенда теперь доведена до совершенства, и ложь, как обычно, дарит наслаждение.

– Нам нравятся твое имя, и твои глаза, и твои волосы, но больше всего – твои туфли, – говорит Ника.

Вилланель смеется и выгибает ступни в атласных «лабутенах» на ремешках. Поймав взгляд Оливье, она сознательно копирует его томную позу. Девушка представляет, как его руки со знанием дела, по-хозяйски скользят по ее телу. Он воспринял бы ее – так ей кажется – как прекрасную вещицу, украшение коллекции. Считал бы, что у него все под контролем.

– Почему ты смеешься? – спрашивает Ника, наклоняя голову и прикуривая сигарету.

– Вы смешные, – отвечает Вилланель. Она пытается представить, как утопает во взгляде этих золотистых глаз. Как

ощущает эти пахнущие дымом губы на своих губах. Она наслаждается собой; она знает, что оба – и Оливье, и Ника – желают ее. Эти двое полагают, что играют с ней, – пусть думают так и дальше. Будет забавно поманипулировать ими, посмотреть, насколько далеко они зайдут.

– У меня есть предложение, – говорит Оливье, и в этот миг телефон в сумочке Вилланель подает сигнал. В эсэмэске – единственное слово: ОТВЛЕКИСЬ. Она встает с пустым лицом. Бросает взгляд на Нику и Оливье, хотя в ее сознании их больше нет. Выходит, не говоря ни слова, и через минуту ее «Веспа» вливается в мчащийся на север поток машин.

Уже три года прошло с тех пор, как она познакомилась с приславшим это сообщение. С тем, кто ей по-прежнему известен лишь как Константин. В те времена ее жизнь была совсем другой. Ее звали Оксана Воронцова, и она числилась студенткой Пермского университета, отделение французской лингвистики. До диплома оставалось полгода. Однако попасть на защиту ей было не суждено, поскольку осенью она угодила совсем в иное место. В уральский женский СИЗО «Добрянка». По обвинению в убийстве.

От «Жасмина» до квартиры Вилланель у Порт-де-Пасси рукой подать – минут пять езды. Большое, безликое и спокойное здание тридцатых годов, а в нем – надежно охраняемая подземная парковка. Поставив «Веспу» рядом со своим быстрым и неприметным серебристо-серым «Ауди ТТ Род-

стером», Вилланель едет на лифте до шестого этажа и поднимается еще на один короткий пролет к мансардной квартире. Входная дверь по внешнему виду не отличается от других дверей в доме, но сделана из усиленной стали и снабжена электронной замковой системой, изготовленной по спецзаказу.

Внутри квартира удобна и просторна, хоть и слегка обшарпана. Год назад Константин вручил Вилланель документы на нее и ключи. Она понятия не имела, кто жил здесь до нее, но, войдя сюда впервые, обнаружила, что квартира полностью обставлена, а судя по возрасту сантехники и прочего оборудования, предыдущий жилец был немолодым человеком. Не имея вкуса к хлопотам по обустройству, она оставила квартиру в том же виде, в каком нашла, – с выцветшими обоями цвета морской волны и парижской лазури и с не поддающимися описанию картинами постимпрессионистов.

Гостей у нее не бывает (для профессиональных встреч есть кафе и общественные парки, а для секса – отели), но если бы сюда кто-то и заглянул, то обнаружил бы полное подтверждение легенды Вилланель. Компьютер в кабинете – супертонкий ноутбук в стальном корпусе – защищен обычной гражданской программой, и защиту без труда взломал бы начинающий хакер, но, просмотрев содержимое, обнаружил бы лишь подробные сводки о внутридневном трейдинге. Бумаги в сейфе тоже особой ценности не представляют. Музыкальной системы в квартире нет. Для Вилланель музыка – в

лучшем случае бессмысленный раздражитель, а в худшем – источник смертельного риска. Тишина – залог безопасности.

Условия в СИЗО были отвратительными. Пища практически несъедобна, везде антисанитария, а ледяной, пронизывающий ветер с реки Добрянки проникал в каждый безрадостный уголок. За малейшее нарушение правил сажали в одиночку – в ШИЗО. Однажды, через три месяца после ареста, Оксану вызвали из камеры, без всяких объяснений провели в тюремный двор и запихнули в потрепанный «газик». Двухчасовая поездка в глубь Пермского края, и водитель остановил машину у моста через замерзшую Чусовую; не говоря ни слова, взглядом указал на низенькую сборную будку, рядом с которой стоял черный полноприводный «Мерседес».

Внутри будки места хватило лишь на стол, два стула и керосиновый обогреватель. Сидящий на одном из стульев человек в тяжелом сером пальто окинул девушку взглядом: затасканная тюремная роба, изможденное лицо, на котором застыла угрюмая непокорность.

– Оксана Борисовна Воронцова, – произнес он наконец, заглянув в папку на столе. – Возраст: двадцать три года и четыре месяца. Обвиняется в тройном убийстве с многочисленными отягчающими обстоятельствами.

Она молча смотрела в окно на квадратный клочок заснеженного леса. Человек казался самым обычным, но с первого взгляда было понятно, что он не из тех, кем получится

манипулировать.

– Через две недели суд, – продолжал он. – И тебя признают виновной. Другого исхода ждать не приходится. Теоретически тебе светит «вышка». В лучшем случае проведешь следующие двадцать лет жизни в колонии, по сравнению с которой «Добрянка» – курорт.

Ее взгляд оставался пустым. Человек закурил сигарету – заграничную! – и предложил ей. В СИЗО эту сигарету можно было бы обменять на недельную добавку еды, но Оксана едва заметно покачала головой.

– Найдены три мужских трупа. Один – с рассеченной от уха до уха глоткой, двое других убиты выстрелами в голову. Такое поведение плохо вяжется со старшекурсницей, изучающей лингвистику в главном пермском вузе. Конечно, если не знать, что она – дочь спецназовского инструктора по ближнему бою. – Он сделал затяжку. – А ведь репутация у него, у старшего-то сержанта Бориса Воронцова, была ого-го. Впрочем, это его не спасло, когда он разругался с бандитами, на которых подхалтуривал. Ему пустили пулю в спину и оставили на улице подыхать как собаку. Едва ли это достойное завершение жизни заслуженного ветерана Грозного и Первомайского.

Мужчина достал из-под стола термос и два картонных стакана. Жидкость он разливал медленно, чтобы холодный воздух пропитался ароматом крепкого чая. Один из стаканов подтолкнул к ней.

– «Круг братьев». Одна из самых лютых и беспощадных криминальных группировок в России. – Он покачал головой. – О чем ты только думала, когда решила казнить их шестерок?

Она отвела взгляд, но лицо сохраняло надменный вид.

– Хорошо, что милиция нашла тебя раньше, чем братки, иначе мы бы тут с тобой не беседовали. – Он бросил окурок на пол и затушил его подошвой. – Но должен признать, справилась ты очень умело. Отец отлично тебя обучил.

Она снова посмотрела на него. Темноволосый, среднего роста, лет примерно сорока. Спокойный взгляд, даже отчасти доброжелательный, но не совсем.

– Но ты нарушила самое важное правило. Ты попалась.

Она сделала осторожный глоток. Потянулась через стол, взяла сигарету и закурила.

– Кто вы?

– Человек, с которым ты, Оксана Борисовна, можешь говорить безбоязненно. Но сначала будь добра, подтверди, что здесь все написано верно. – Он вынул из кармана пальто сложенные листы. – Когда тебе было семь, твоя мать-украинка умерла от рака щитовидки, который почти наверняка развился у нее из-за чернобыльской катастрофы, случившейся за двенадцать лет до того. Через три месяца после смерти матери твоего отца отправили в Чечню, и тебя поместили в отделение временного пребывания пермского детского дома имени Сахарова. За полтора года, которые ты там провела,

преподаватели отметили твои исключительные способности к учебе. Но выявили и другое – ночное недержание и практически полный отказ от общения с другими детьми.

Она выдохнула – в холодном воздухе дым образовал длинную серую струйку – и кончиком языка коснулась рубца на верхней губе. Как и сам шрам, жест был едва заметен, но мужчина в пальто его уловил.

– Когда тебе было десять, отца вновь откомандировали, на этот раз в Дагестан. Ты вернулась в сахаровский детдом, где спустя три месяца тебя поймали на поджоге и перевели в психиатрическое отделение пермской городской больницы № 4. Несмотря на рекомендации лечащего врача, который диагностировал социопатическое расстройство личности, тебя вернули домой к отцу. На следующий год ты поступила в одну из средних школ Индустриального района – и там вновь заслужила похвалы за успехи в учебе, особенно за способности к языкам, и вновь выказала нежелание заводить дружбу и устанавливать иные контакты. Более того, в документах сказано, что ты участвовала в ряде инцидентов, связанных с насилием, или даже, как подозревают, сама их инициировала.

Но все-таки была у тебя привязанность, одна-единственная, – учительница французского, некто Леонова, – и тебя чрезвычайно взбудоражила новость о том, что поздно вечером на автобусной остановке Леонову жестоко изнасиловали. Предполагаемого насильника арестовали, но вскоре от-

пустили за недостатком улик. Через шесть недель его нашли в лесополосе у реки Мулянки, без сознания от шока и потери крови. Оказалось, что его кастрировали. Ножом. Врачам удалось спасти ему жизнь, но виновного не поймали. Тогда близилось твое семнадцатилетие.

Она втоптала свой окурок в пол.

– К чему вы клоните?

Он еле заметно улыбнулся.

– Еще можно вспомнить твою золотую медаль за стрельбу из пистолета на екатеринбургской универсиаде. Это было в первый год после школы.

Она пожала плечами, и он наклонился вперед.

– Только между нами. Эти трое в баре «Пони» – что ты почувствовала, когда убила их?

Она спокойно встретила его пристальный взгляд; выражение ее лица оставалось пустым.

– Ладно, давай гипотетически. Что бы ты почувствовала?

– В то время я почувствовала бы удовлетворение от хорошо выполненной работы. А сейчас… – Она снова пожала плечами. – Ничего.

– И за это самое «ничего» ты собираешься провести двадцать лет в Березниках или другом подобном месте?

– Вы завезли меня в такую даль, чтобы это сообщить?

– Истина, Оксана Борисовна, состоит в том, что для мира люди вроде тебя – проблема. Мужчины и женщины, которые, как и ты, родились без совести, не умеющими чувствовать

вину. Вы лишь крошечная часть населения, но при этом без вас… – Он снова закурил и откинулся на спинку стула. – Без хищников, людей, способных вообразить невообразимое и действовать без страха и сомнений, мир бы остановился. Вы – эволюционная необходимость.

Последовало долгое молчание. Его слова подтверждали то, что она знала всегда, даже в самые тяжелые времена: она особенная, рождена для высокого полета. Она смотрела в окно на поджидающий «газик» и на топчущихся на снегу охранников. И кончик ее языка вновь коснулся верхней губы.

– И чего вы от меня хотите? – спросила она.

Константин, не скупясь на детали, принялся излагать, что ее ждет в будущем. Она слушала, и ее переполняло ощущение, будто вся ее прошлая жизнь была лишь прелюдией к этой минуте. Лицо Оксаны ни разу не дрогнуло, но охвативший ее трепет не уступал в остроте чувству голода.

Над Парижем начинает гаснуть дневной свет. Из ящика стола в своем кабинете Вилланель достает новый эппловский лэптоп и распаковывает его. Потом заходит в почтовый ящик на джимейле и открывает письмо, где в поле «Тема» стоит заголовок: «Джефф и Сара – фотки из отпуска». В письме два абзаца текста и с десяток фотографий, на которых какая-то пара изображена в разных туристических местах Каира и окрестностей.

«Всем привет!

Мы потрясно проводим время. Пирамиды – круть, Сара каталась на верблюде (см. фотки)! Прилетаем в воскресенье, посадка в 7:42, дома будем где-то к 9:45. До встречи, Джефф.

ПыСы. Кстати, новый адрес Сары – SMPrice88307@gmail.com».

Не обращая внимания на буквы и слова, Вилланель копирует цифры. Это одноразовый пароль к данным, вставленным в невинные с виду jpg-файлы. Она вспоминает слова одного индийца, разработчика систем: «Шифровка сообщений – это, конечно, хорошо, но даже если их никто никогда не сможет взломать, они все равно привлекают внимание. Гораздо лучше, чтобы о наличии таких сообщений вообще нельзя было догадаться».

Она принимается за фото. Разрешение великолепное, и объем данных в этих файлах весьма велик. Через десять минут Вилланель извлекает потайные фрагменты и собирает их в единый текст.

Второе письмо, озаглавленное «Мобильный Стива», еще короче – телефонный номер и шесть фото любительского футбольного матча. Вилланель повторяет предыдущую операцию, но на этот раз извлекает не текст, а серию фотопортретов. На всех изображен один и тот же человек. У него темные, почти черные глаза и жесткая линия рта. Вилланель раз-

глядывает снимки. Она никогда не встречала этого человека, но в его лице есть что-то знакомое. Какая-то пустота. Вскоре она вспоминает, где уже видела этот взгляд. В зеркале. В собственных глазах. Текстовый документ называется «Сальваторе Греко».

Одна из уникальных способностей Вилланель, послужившая несомненным плюсом в глазах нынешних работодателей, – ее фотографическая память. В течение получаса она читает текст про Греко и, когда чтение завершено, помнит каждую страницу, словно держит ее перед собой. Это исчерпывающий портрет личности, собранный из полицейских документов, отчетов о слежке, судебных протоколов и сообщений информаторов. При всем этом портрет огорчительно краток. Хронология карьеры Греко. Психологический портрет из ФБР. Детали – в основном гипотетические, – касающиеся его семейных дел, личных привычек и сексуальных наклонностей. Список недвижимости, записанной на его имя. Все, что известно об обеспечении его безопасности.

Этот портрет рисует человека строгих вкусов, который питает патологическое отвращение к публичности и чрезвычайно искушен в навыках ее избегать – даже в эпоху массовых коммуникаций. Но в то же время его власть не в последнюю очередь основана на репутации. Свирепость Греко считается беспрецедентной даже в регионе, где пытки и убийства – рутинное дело. Всякий, кто осмелится встать у него на пути или поставить под сомнение его авторитет, бу-

дет ликвидирован, причем с показной жестокостью. Конкурентов расстреливают вместе с их семьями, а стукачей находят с перерезанной глоткой и торчащим из зияющей раны языком.

Вилланель переводит взгляд на город за окном. Слева – силуэт Эйфелевой башни на фоне вечернего неба. Справа – мрачная масса Монпарнасской башни. Вилланель размышляет о Греко. Сопоставляет изящество его личности с барочными кошмарами его действий и приказов. Есть ли способы использовать это противоречие в своих интересах?

Она перечитывает документы, выискивая в каждой строчке возможные пути проникновения. Главная резиденция Греко – имение в горной деревне неподалеку от Палермо – настоящая крепость. Там, под защитой верных и бдительных телохранителей, живет его семья. Его супруга Калоджера редко покидает территорию; дом его единственной дочери Валентины – в соседней деревне, она замужем за старшим сыном ближайшего помощника отца. Там говорят на своем диалекте и к чужакам с давних пор относятся враждебно. Тех, с кем желает встретиться Греко – членов дружественных кланов, потенциальных партнеров, портного, парикмахера, – приглашают в имение, где обыскивают и, если надо, разоружают. Когда Греко уезжает из дому, чтобы навестить любовницу в Палермо, его неизменно сопровождают вооруженный шофер и по меньшей мере двое телохранителей. У этих поездок, по всей видимости, нет четкого расписания.

Впрочем, один текст вызывает у Вилланель особый интерес. Это вырезка пятилетней давности из газеты «Коррьере делла Сера» – о происшествии в Риме, при котором едва не погиб один из ее штатных корреспондентов. Сам журналист по имени Бруно де Сантис сообщает: «Я выходил из ресторана в Трастевере, когда увидел, как на меня по встречной полосе мчится машина. Очнулся уже в больнице, чудом выжил».

Де Сантис недвусмысленно связывает покушение на свою жизнь с напечатанной в «Коррьере» месяцем ранее статьей о молодой сицилийской сопрано Франке Фарфалья. В статье он критикует Фарфалья за то, что та приняла денежную помощь на обучение в миланской академии при театре Ла Скала от Сальваторе Греко, «пресловутого босса организованной преступности».

Статья, конечно, смелая, если не сказать больше, но ее автор Вилланель не интересует. Куда больше волнует, откуда вдруг у Греко такая щедрость к Фарфалья – пусть даже он и может позволить себе сколько угодно таких жестов. Что это: любовь к опере, желание помочь талантливой местной девушке раскрыть свой потенциал или куда более приземленная страсть?

Поиск в Интернете дает массу фотографий Фарфалья. На вид – властная, с горделивыми, строгими чертами, она выглядит старше своих двадцати шести. Некоторые фото опубликованы на собственном сайте певицы, где также есть пол-

ная история ее карьеры по сегодняшний день, подборка рецензий и расписание концертов на ближайшие месяцы. Просматривая список ангажементов, Вилланель делает паузу. Прищурившись, она кончиком пальца касается шрама на верхней губе. Затем кликает на ссылку и попадает на сайт палермского Театро Массимо.

Обучение Оксаны заняло почти год.

Поначалу это был сущий кошмар. Шесть недель физической подготовки и рукопашного боя на пустынном, продуваемом всеми ветрами островке в Эссексе. Ее привезли в начале декабря. В наставники к ней определили Фрэнка, бывшего инструктора из морского спецназа, жилистого, скупого на слова человека лет шестидесяти со взглядом холодным, как Северное море. В любую погоду он носил один и тот же выцветший хлопковый спортивный костюм и пару старых кроссовок. Фрэнк не знал жалости. Месяцы в добрянском СИЗО истощили Оксану, она потеряла форму, и первые две недели нескончаемого бега по прибрежным болотам, когда в лицо тебе лупит мокрый снег, а в ботинках хлюпает жирная грязь, казались сущей пыткой.

Ее поддерживала решимость. Что угодно, даже смерть от переохлаждения в болоте – всё лучше возвращения в русскую тюрьму. Фрэнк понятия не имел, кто она такая, и ему было наплевать. Перед ним стояла одна задача – привести ее в состояние боевой готовности. В течение всего курса она жила в сборном ниссеновском домике на островке, покры-

том грязью и галькой, – дамба длиной в четверть мили связывала его с сушей. В годы холодной войны тут размещалась станция раннего предупреждения, и на острове по-прежнему лежала мрачная тень, напоминавшая о его былом апокалиптическом предназначении.

В первую ночь Оксана так замерзла, что не могла заснуть, но потом усталость взяла свое, и следующим вечером она уже к девяти, закутавшись в единственное одеяло, забылась мертвым сном. А в четыре утра Фрэнк пинком распахивал дверь из гофрированного железа, бросал дневной рацион – как правило, воду в пластиковой бутылке и пару банок консервов из мяса и овощей – и выходил, давая ей натянуть футболку, армейские штаны и ботинки, не успевшие просохнуть со вчерашнего дня. Потом два часа пробежек – через остров по топкой серой грязи или вокруг острова вдоль подмерзшей границы прилива, – и они возвращались в домик, чтобы заварить чай и разогреть в котелке консервы на маленькой гексаминовой плитке. К восходу они уже снова были на ногах, меся грязь, пока Оксану не начинало рвать от изнеможения.

Ближе к вечеру, когда опускалась темнота, они отрабатывали приемы рукопашного боя. За многие годы Фрэнк выработал свою систему, усовершенствовав и объединив элементы джиу-джитсу, уличной драки и других дисциплин. Акцент он ставил на импровизацию и скорость, а поединки нередко проводились по колено в морской воде, где грязь с галькой коварно скользили под ногами. Увидев, что Ок-

саниного английского недостаточно, Фрэнк стал тренировать ее исключительно практикой. Научившись от отца основам спецназовской техники, Оксана полагала, что в умении драться она не полный профан, но Фрэнк, казалось, предугадывал любое ее движение – с небрежной легкостью он отражал удары, вновь и вновь окуная ее в ледяную воду.

Ни к кому в жизни Оксана не испытывала такой ненависти, как к этому бывшему десантнику-инструктору. Никто и никогда – даже в пермском детдоме и добрянском СИЗО – столь систематически не подвергал ее оскорблениям и унижениям. Ненависть переросла в еле сдерживаемое бешенство. Ее зовут Оксана Борисовна Воронцова, и живет она по правилам, к пониманию которых даже приблизиться способны лишь единицы. Она еще покажет этому *angliyskomu ublyudku*, этому членососу, даже если это будет стоить ей жизни.

Однажды к концу дня уже на последней неделе тренировок они в прибывающем приливе водили друг друга кругами. У Фрэнка – нож «гербер» с восьмидюймовым лезвием, Оксана – без оружия. Фрэнк сделал выпад первым, вороненое лезвие чиркнуло по воздуху так близко от ее лица, что она ощутила ветерок и в ответ, поднырнув под рабочую руку, коротко врезала ему по ребрам. Он на мгновение затормозил, и, когда герберовское лезвие вновь рассекло воздух, она уже успела отскочить за пределы досягаемости. Как в танце, они прыжками двигались из стороны в сторону, пока Фр-

энк не сделал выпад, целясь ей в грудь. Ее тело среагировало быстрее, чем мозг. В полуобороте она схватила Фрэнка за запястье, рванула в направлении его движения и сделала подсечку. Едва Фрэнк рухнул в воду, молотя руками воздух, она ударом колена впечатала в гальку его кулак с ножом («В первую очередь контролируй оружие, а уже потом – того, кто его держит», – всегда учил отец) – он невольно отпустил лезвие – и сразу навалилась сверху. Сидя на нем, она ладонью удерживала голову Фрэнка под водой, наблюдая, как он захлебывается с гримасой агонии.

Зрелище было интересным, даже захватывающим, но она хотела, чтобы он выжил и признал ее триумф, поэтому вытащила его на берег. Фрэнк перевернулся на бок, изрыгая из себя воду. Когда он открыл глаза, она держала острие ножа у его горла. Встретив ее взгляд, он кивком показал, что сдается.

Через неделю за Оксаной приехал Константин – она ждала на ведущей к дамбе грязной тропе, на плече свободно болтался рюкзак. Он с молчаливым одобрением окинул ее взглядом с головы до ног.

– Хорошо выглядишь, – произнес он, оценивая ее непривычно уверенную осанку и обветренное, просоленное лицо.

– Слушай, она ё…нутая психопатка, – сказал Фрэнк.

– У каждого свои недостатки, – ответил Константин.

Через два дня Оксана полетела в Германию, где в миттенвальдской военной школе ее три недели обучали разным

способам, как не попасть в плен и как совершить побег. Ее прикрепили к учебной группе спецназа НАТО. По легенде, девушка проходила стажировку от отдела по борьбе с терроризмом российского МВД. На вторую ночь, засыпая в снежной пещере, она почувствовала, как чьи-то вороватые пальцы коснулись молнии ее спальника. В темноте разгорелась безмолвная, но жестокая схватка, и на следующий день двух натовских солдат увезли на вертолете: одного – с перерезанным сухожилием, а другого – с колотой сквозной раной в ладони. После этого к ней больше никто не приставал.

Сразу после Миттенвальда Оксану отправили в американскую воинскую часть в Форт-Брэгге, Северная Каролина, где ей предстояло пройти программу выносливости на допросе. Программа была пыткой по самой своей сути и цели: довести участников до максимального стресса и страха. Не успела Оксана приехать, как охранники-мужчины раздели ее догола и отвели в ярко освещенную комнату без окон, абсолютно пустую, не считая висящей под потолком камеры замкнутой системы наблюдения. Тянулись бесконечные часы, но ей давали только воду, а в отсутствие толчка приходилось справлять нужду прямо на пол. В комнате стояла вонь, а желудок Оксаны выкручивало от голода. При попытке заснуть комната начинала вибрировать от белого шума или оглушительно громких электронных голосов, повторявших бессмысленные фразы.

Под вечер второго дня – или шел уже третий? – Оксане

надели на голову мешок и повели в другое помещение, где невидимые ей люди, бегло говорящие по-русски, часами напролет допрашивали ее, предлагая еду в обмен на информацию. В перерывах между допросами ее заставляли принимать мучительные и унизительные позы. Изнемогающая от голода, лишенная сна, дезориентированная, она впала в состояние, подобное трансу, границы ощущений стерлись. Невзирая на это, ей как-то удавалось не утратить остатки самосознания и понимания того, что пытки не бесконечны. Какими бы издевательскими и чудовищными они ни были, это лучше, чем уральская колония строгого режима. К моменту, когда испытание объявили завершенным, где-то глубоко внутри оно даже начало вызывать у Оксаны нечто вроде извращенного наслаждения.

Последовали другие занятия. Месяц овладения навыками работы с оружием в лагере к югу от Киева, еще три месяца – в российской снайперской школе. Это была не престижная школа где-нибудь в Подмосковье, где обучались «Альфа» или «Вымпел», а куда более отдаленное – под Екатеринбургом – заведение, принадлежавшее частной охранной структуре, и вопросов там никто не задавал. Вновь попав в Россию, Оксана испытала странные чувства, хоть теперь у нее и был другой паспорт, выданный Константином. Тем более что от города, где она выросла, Екатеринбург отделяла всего пара сотен километров.

Впрочем, вскоре ей понравилось выдавать себя за друго-

го человека – это доставляло своего рода пьянящее удовольствие.

– Официально Оксаны Воронцовой больше не существует, – сообщил ей Константин. – В свидетельстве, выданном Пермской областной клинической больницей, сказано, что она повесилась в камере СИЗО «Добрянка». По документам, ее похоронили за государственный счет на кладбище Индустриального района. Можешь мне поверить, никто по ней не скучает и ее не разыскивает.

Снайперскую школу «Северка» построили возле некогда процветавшего, а ныне заброшенного поселка. В советские времена там располагался научный центр, изучавший воздействие радиации, а сейчас поселок превратился в призрака – его населяли лишь полноразмерные манекены-мишени, стратегически расположенные за зеркальными окнами или за рулем ржавеющих скелетов автомобилей. Зловещее место, безмолвное, лишь ветер свистит среди опустевших домов.

В основном курсе программы изучалась табельная винтовка Драгунова, однако Оксана вскоре освоила и специальную снайперскую винтовку ВСС «винторез». Исключительно легкий по весу, оснащенный интегрированным глушителем, «винторез» идеально подходил для использования в городе. К моменту выпуска из «Северки» она произвела тысячи выстрелов в самых разных оперативных условиях и научилась укладываться в несколько десятков секунд, чтобы

занять огневую позицию, вынуть «винторез» из полистиролового кейса, собрать, выставить на прицеле нули, оценить скорость ветра вместе с другими векторами и совершить смертельный выстрел в голову или туловище («один выстрел – один труп», выражаясь словами инструктора) с расстояния до четырехсот метров.

Оксана ощущала, как она меняется, и результаты ее радовали. Ее наблюдательность, восприимчивость, скорость реакции выросли на порядок. Она чувствовала себя психологически неуязвимой и к тому же всегда знала, что отличается от окружающих. Все их эмоции были ей чужды. Там, где у других боль или ужас, у нее – лишь ледяное бесстрастие. Она научилась имитировать эмоциональные реакции людей – страхи, неуверенность, отчаянную потребность в любви, – хотя сама ничего из этого никогда не испытывала в полной мере. Но сознавала, что, если хочет избежать внимания к себе и закамуфлировать масштабы своей инаковости, без маски нормального человека не обойтись.

Еще с ранних лет она поняла, что людьми можно манипулировать. В этом отношении весьма полезен секс, и у Оксаны развился ненасытный аппетит. Не к самому акту – хотя он тоже приносил удовольствие, – а к упоению охотой и психологическому доминированию. Ей нравилось выбирать в любовники авторитетных лиц. Список ее побед включал школьных учителей обоих полов, коллегу ее отца по спецназу, курсантку из Казанской военной академии, с которой

она состязалась на универсиаде, и – самый сладостный случай – женщину-психотерапевта, к которой ее направили для освидетельствования на первом курсе университета. Оксана никогда не ощущала ни малейшей потребности кому-то нравиться, но быть объектом страсти – вот что доставляло ей глубочайшее удовлетворение. Видеть это в глазах очередного побежденного, наблюдать, как тает последняя льдинка сопротивления, сообщая, что передача власти успешно завершена…

Нельзя сказать, что ей этого хватало. Ведь, несмотря на неистовый азарт, который дарило повиновение, оно с неизбежностью знаменовало утрату интереса. История всегда повторялась – даже с Юлианой, тем самым психотерапевтом. Сдавшись Оксане, вручив ей свою тайну, она перестала быть предметом желания. И Оксана просто ушла, оставив женщину старше себя опустошенной, с разбитой вдребезги личной и профессиональной самооценкой.

После снайперской программы она изучала взрывчатые вещества и токсикологию в Волгограде, слежку и наблюдение в Берлине, профессиональное автовождение и технику вскрытия замков в Лондоне, управление идентификационными данными, средства связи и шифрование в Париже. Оксане, которая до встречи с Константином у моста через Чусовую никогда не покидала Россию, все эти заграничные путешествия казались сказкой. Каждый курс преподавался на языке своей страны, поэтому одновременно служил экс-

тремальным экзаменом на лингвистические способности, в большинстве случаев выматывая девушку физически и психически.

И все это время со стороны за ней терпеливо и невозмутимо наблюдал Константин. Он выдерживал профессиональную дистанцию между собой и Оксаной, но пару раз, когда прессинг становился невыносимым и она холодно требовала оставить ее в покое, он проявил сочувствие. «Возьми выходной, – сказал он ей однажды в Лондоне. – Прогуляйся, посмотри город. И начни думать о своем имени. Оксаны Воронцовой больше нет».

К ноябрю ее учеба почти завершилась. Она жила в сомнительной гостинице в пригороде Бельвиль и ежедневно ездила в безымянный бизнес-центр в Дефансе, где молодой человек индийского происхождения обучал ее деталям стеганографии – науке о вшивании секретной информации в компьютерные файлы. В последний день курса появился Константин – он оплатил счет за гостиницу и отвез Оксану в квартиру на левобережной набережной Вольтер. Квартира на первом этаже была обставлена со скромной строгой элегантностью. Ее хозяйку – миниатюрную, суровую на вид, одетую во все черное женщину лет шестидесяти – Константин представил как Фантину.

Фантина оглядела Оксану и, оставшись, похоже, не в восторге, попросила ее пройтись по комнате. Чувствуя себя неловко в выцветшей футболке, джинсах и кроссовках, та

подчинилась. Фантина некоторое время понаблюдала за ней, потом повернулась к Константину и пожала плечами.

Так началась финальная стадия преображения Оксаны. Она перебралась в четырехзвездочный отель через две улицы от прежнего жилья, и ежедневно они с Фантиной встречались за завтраком в квартире на первом этаже. В девять утра за ними приезжала машина. В первый день они отправились в «Галери Лафайет» на бульваре Осман. Фантина провела Оксану по всему универмагу, по дороге приказывая ей примерять разные вещи – неформальную одежду, повседневные и вечерние платья, – и покупала их независимо от того, приглянулись они Оксане или нет. Обтягивающую и стильную, на вкус Оксаны, одежду Фантина браковала не глядя.

– Я пытаюсь привить тебе парижский стиль, chérie, а не научить одеваться как московская шлюха – это ты и без меня умеешь.

К концу дня машина оказалась доверху набита покупками, а Оксане начала нравиться компания ее неумолимо придирчивой наставницы. Всю неделю они ездили по обувным лавкам и ателье, ходили на показы от-кутюр и прет-а-порте, посетили большой винтажный магазин на бульваре Сен-Жермен и музей моды Пале-Гальера. Каждое из посещений Фантина сопровождала подробными комментариями вроде «эта вещь изысканна, продуманна и элегантна, а эта – груба, безвкусна и безнадежно вульгарна». Однажды после обеда Фантина привезла Оксану в парикмахерскую на Плас-де-

Виктуар. Она проинструктировала стилистку действовать по собственному усмотрению, игнорируя пожелания Оксаны. После Фантина подвела Оксану к зеркалу, и та провела рукой по короткой прямой стрижке. Ей понравился сконструированный Фантиной облик. Авторская байкерская куртка, полосатая футболка, джинсы с низкой талией и ботильоны. Она смотрелась… парижанкой.

Ближе к вечеру они навестили парфюмерный бутик на улице Фобур-Сен-Оноре. «Выбирай, – сказала Фантина. – Но выбирай как следует». Десять минут Оксана фланировала по изящному магазину, пока не остановилась у стеклянного шкафа-витрины. Продавец немного понаблюдал за ней. «Vous permettez, Mademoiselle?»[1] – полушепотом произнес он, протягивая ей тоненький флакон с алой лентой вокруг горлышка. Оксана аккуратно нанесла на запястье крошечную каплю янтарных духов. Аромат – свежий, словно весенняя заря, но с темными базовыми нотами – гармонировал с чем-то, таящимся в ее душе.

– Они называются «Вилланель», – сказал продавец. – Это был любимый аромат графини Дюбарри. Когда ее в 1793 году казнили, производитель добавил к флакону красную ленту.

– Тогда мне нужно быть осторожной, – ответила Оксана.

Через два дня за ней в отель заехал Константин.

– Кстати о моем имени, – сказала она. – Я выбрала.

---

[1] Позволите, мадемуазель? (*фр.*)

Легко постукивая каблучками по брусчатке площади Верди в Палермо, Вилланель поднимает взгляд на величественный фасад самого крупного на Сицилии – да и во всей Италии – оперного театра. Листья высоких пальм тихо шелестят на теплом бризе; по бокам широкой главной лестницы стоят бронзовые львы. На Вилланель шелковое платье от Валентино и оперные перчатки до локтя от Фрателли Орсини. Платье – красное, но темного оттенка, почти черное. На плече – вместительная сумочка «Фенди» на тонкой цепочке. Волосы скреплены длинной изогнутой заколкой, а лицо в вечернем свете кажется бледным. Она выглядит эффектно, хоть и не так броско, как толпящиеся в вестибюле светские львицы в «Версаче» и «Дольче Габбана». Премьера в Театро Массимо – всегда событие, к тому же сегодня дают одну из популярнейших опер – «Тоску» Пуччини. А то, что главную партию исполняет местная сопрано Франка Фарфалья, делает это событие обязательным для посещения.

Вилланель покупает программу и проходит из вестибюля в фойе. Оно быстро наполняется. Гул разговоров, приглушенный звон бокалов, аромат дорогих духов. Фигурные светильники окрашивают мраморное убранство стен в мягко-лимонные оттенки. У стойки бара она заказывает минеральную воду – и замечает, что за ней наблюдает худощавый темноволосый человек.

– Могу ли я угостить вас чем-то более… интересным? –

спрашивает он, пока Вилланель расплачивается. – Может, бокал шампанского?

Она улыбается. Ему тридцать пять, оценивает она, плюс-минус год или два. Мрачная привлекательность. Серебристо-серая рубашка безукоризненна, легкий пиджак – похоже, «Бриони». Но в его итальянском слышна сицилийская резкость, а во взгляде – нотка угрозы.

– Нет, – отвечает она. – Благодарю.

– Дайте угадаю. Вы явно не итальянка, хоть и говорите по-итальянски. Француженка?

– Вроде того. Длинная история.

– И вам нравятся оперы Пуччини?

– Разумеется, – негромко отвечает она. – Правда, «Богему» я люблю больше.

– Это потому что вы француженка. – Он протягивает руку. – Леолука Мессина.

– Сильвиана Морель.

– Что же привело вас в Палермо, мадемуазель?

Ее подмывает прекратить разговор. Уйти. Но он может не отстать, а это еще хуже.

– Я в гостях у друзей.

– А кто они?

– Боюсь, вы их не знаете.

– Кого я только не знаю! Вы бы удивились. И поверьте, все здесь знают меня.

Вилланель поворачивается вполоборота и позволяет вне-

запной улыбке озарить свое лицо. Она машет рукой в сторону входа.

– Извините меня, синьор Мессина. Вот и мои друзья.

Не особо убедительно, – ругает она себя на ходу. Что-то не так в этом Леолуке Мессине. Насилие ему не чуждо – давно и определенно, – и это заставляет Вилланель желать, чтобы он забыл ее лицо.

Придет ли Греко? – гадает она, бесцельно пробираясь сквозь толпу и разглядывая проплывающие мимо лица. Одному из местных информаторов Константина удалось тайком подкупить и опросить людей в театре: важные премьеры босс-мафиозо обычно посещает. Он всегда появляется в последний момент и занимает одну и ту же ложу, где сидит один, оставляя охранников в коридоре у двери. Есть ли у него билеты на сегодня – этого, к сожалению, не знает никто. Но его протеже Фарфалья поет главную партию. Так что шансы весьма высоки.

Люди Константина, не поскупившись, забронировали ложу рядом с той, где обычно сидит Греко. Она в первом ярусе, почти вплотную к сцене. Занавес поднимется через десять минут, ложа слева пока пуста, и Вилланель входит в гнездо из красного плюша. Ее ложу нельзя назвать в полном смысле частной. Сидя спереди, в одном из отделанных позолотой кресел у обитого алой тканью на уровне груди барьера, Вилланель видит всю Аудиторию, и всей Аудитории видна она сама. Если перегнуться вперед через барьер, то можно

заглянуть в обе соседние ложи. Но когда погаснет свет, ложи превратятся в тайный мир, закрытый от посторонних глаз.

В сумраке этого невидимого мира она снимает с плеча сумку, достает из нее облегченный самозарядный «ругер» с интегрированным гемтеховским глушителем и вставляет в магазин обойму патронов 22-го калибра с низкой начальной скоростью пули. Вернув пистолет в сумку, Вилланель ставит ее на пол у основания перегородки между ее ложей и ложей слева.

За девять месяцев, прошедших после перерождения в Вилланель, она убила двоих. Каждый проект начинался с однословной эсэмэски от Константина, после чего от неведомых источников она получала справочные данные: кинороликиа, биографии, результаты наблюдений, расписания. Планирование занимало около четырех недель: ее снабжали оружием, информацией о том, на какую логистическую поддержку она может рассчитывать, и легендой с документами.

Первую цель звали Йоргос Влахос, он занимался покупкой радиоактивного кобальта-60 в Восточной Европе, планируя, как предполагалось, взорвать грязную бомбу в Афинах. Она всадила ему в грудь пулю СП-5, когда он пересаживался из машины в машину в пирейском порту. Выстрелу из русской винтовки ВСС с расстояния 325 метров предшествовала ночь в засаде под брезентом на складской крыше. Оказавшись в безопасности в гостиничном номере, Вил-

ланель вновь и вновь переживала это событие, испытывая мощную, волнующую радость. Сухой щелчок заглушенного выстрела, отдаленный звук пораженной цели, рухнувшее на землю тело в окуляре прицела.

Второй целью был Драган Хорват, балканский политик, создавший сеть по торговле людьми. Ошибку он совершил, когда взял работу на дом – в виде хорошенькой, сидящей на героине семнадцатилетней девушки из Тбилиси. Ни с того ни с сего он вдруг влюбился и принялся возить ее на шопинговые кутежи по европейским столицам. Больше всего пара любила проводить выходные в Лондоне, и, когда Вилланель однажды поздним вечером натолкнулась на Хорвата в бейсуотерском переулке, он лишь снисходительно ей улыбнулся. Политик не сразу заметил колотую рану на внутренней поверхности бедра, и, пока, лежа на земле, умирал от потери крови, его грузинская подруга наблюдала за ним пустым от наркотиков взглядом, крутя на запястье браслет, который он пару часов назад купил ей в Найтсбридже.

В промежутках между убийствами Вилланель жила в той самой парижской квартире. Изучала город, приобщаясь к развлечениям, которые он предлагал, и наслаждалась чередой любовных интрижек. Все они проходили по одной схеме: горячее увлечение, охота, пара дней и ночей жадного поглощения, резкий разрыв. Она просто исчезала из их жизни – столь же внезапно и таинственно, как появилась.

Каждое утро она совершала пробежки в Булонском лесу,

посещала школу джиу-джитсу в Монпарнасе и оттачивала снайперское мастерство в элитном стрелковом клубе в Сен-Клу. Тем временем невидимая рука оплачивала квартиру и вела ее трейдерские операции, доходы от которых перечислялись на текущий счет в банке «Сосьете Женераль». «Трать сколько хочешь, – говорил ей Константин. – Но не торчи на виду. Живи с комфортом, но без излишеств. Не оставляй следов».

Она так и жила. Не создавала кругов на воде. Стала частью монохромной армии профессионалов, которые быстро перемещаются с места на место с глазами, отмеченными штампом одиночества. Она понятия не имела, что за сила выносит исполняемые ею смертные приговоры. У Константина она не спрашивала, поскольку знала, что он все равно не скажет, да и, по правде говоря, ей было наплевать. Главное для Вилланель состояло в том, что она вошла в число избранных. Ее выбрали быть инструментом всемогущей организации, которая поняла то, что ей было известно всегда: она особая. Они разглядели ее талант, разыскали ее и перенесли из самого низкого в мире места в самое высокое – туда, где ей и предназначено быть. Хищник, орудие эволюции, часть элиты, к которой не применимы никакие этические законы. Это знание цвело в ней подобно большой темной розе, заполняя каждую полость ее души.

Зрительный зал в Театро Массимо постепенно заполня-

ется. Сидя в своем кресле, Вилланель изучает программу, скрывая лицо в тени перегородки между ложами. Спектакль начинается, огни гаснут, гул голосов в зале сходит на нет. Когда дирижер под горячие аплодисменты достает палочку, Вилланель слышит, как в соседней ложе кто-то занимает свое место. Она сидит, не поворачивая головы, и, когда поднимается занавес, увлеченно наклоняется вперед, не сводя глаз со сцены.

Минута сменяет минуту, ход времени замедлился до минимума. Музыка Пуччини обволакивает Вилланель, но не трогает. Ее сознание полностью сконцентрировано на невидимом человеке слева. Она еле сдерживается, чтобы не взглянуть в его сторону, но ощущает его присутствие как пульсацию – враждебную и беспредельно опасную. Временами она чувствует холодок в затылке и знает, что в этот момент он наблюдает за ней. Аккорды гимна «Te Deum» наконец затихают, завершается первый акт, и малиново-золотой занавес опускается.

Загорается свет, зал вновь наполняется гулом голосов, но Вилланель остается сидеть, словно загипнотизированная оперой. Затем, не глядя по сторонам, встает и выходит из ложи, боковым зрением замечая телохранителей в конце коридора – скучающих, но бдительных.

Неторопливо пройдя в фойе, она направляется к бару, покупает стакан минеральной воды, но не пьет, а просто держит. Она видит, как из дальнего конца зала к ней движет-

ся Леолука Мессина. Притворившись, будто не замечает его, Вилланель отворачивается и ныряет в толпу, отделившись от нее лишь у выхода в вестибюль. На улице, на ступенях театра, дневная жара еще не спала. Небо – бледно-розовое над морем, лилово-синее над головой. Мимо проходит компания молодых людей, они присвистывают и отпускают в ее адрес восхищенные комментарии на местном диалекте.

Она возвращается и занимает свое место в ложе за несколько секунд до начала второго акта. Она вновь держит себя в руках, стараясь не смотреть налево в сторону Греко, и потому устремляет неподвижный взгляд на сцену, где тем временем разворачивается действие оперы. Сюжет драматичен. Певица Тоска влюблена в художника Каварадосси, которого ложно обвиняют в пособничестве сбежавшему политзаключенному. Шеф полиции Скарпиа арестовывает Каварадосси, и того приговаривают к смерти. Но Скарпиа предлагает Тоске сделку: она может отдаться ему в обмен на освобождение Каварадосси. Тоска принимает предложение, но при попытке Скарпиа обнять ее выхватывает кинжал и закалывает его.

Занавес опускается. На этот раз Вилланель, закончив аплодировать, поворачивается к Греко и улыбается, словно видит его впервые. Довольно скоро в ложе раздается стук в дверь. У двери стоит один из телохранителей, коренастый мужчина, – он не без учтивости интересуется, не согласится ли синьорина выпить бокал вина с доном Сальваторе. Вилла-

нель пару секунд колеблется, но потом кивает. Она выходит в коридор, и второй телохранитель оглядывает ее с головы до ног. Сумку она оставила в ложе, в руках ничего нет, а платье от Валентино плотно облегает ее стройную спортивную фигуру. Двое мужчин обмениваются понимающими взглядами. Ясно, что им нередко доводилось доставлять женщин к боссу. Коренастый телохранитель жестом указывает на дверь в ложу Греко. «Per favore, Signorina…»[2]

При ее появлении он встает. Человек среднего роста в дорогом льняном костюме. В его чертах – смертельная неподвижность, а улыбка не касается даже уголков глаз.

– Прошу простить мою самонадеянность, – говорит он. – Но я не мог не заметить, как вам нравится представление. Я тоже люблю оперу, и поэтому подумал, не отважиться ли мне предложить вам бокал фраппато? Это вино из моих виноградников, так что качество гарантирую.

Она благодарит его. Делает пробный глоток прохладного вина. Представляется Сильвианой Морель.

– А я – Сальваторе Греко. – В его голосе слышна вопросительная нотка, но ее взгляд не меняется. Очевидно, что ей не доводилось слышать о нем. Она делает комплименты вину и говорит, что в Театро Массимо она впервые.

– И как вам Фарфалья?

– Превосходно. Тонкая актриса и великолепное сопрано.

– Я рад, что она вам нравится. Мне посчастливилось спо-

---

[2] Пожалуйста, синьорина. (*ит.*)

собствовать – весьма скромно – ее обучению.

– Приятно видеть, что ваша вера в нее оказалась не напрасной.

– Il bacio di Tosca.

– Извините?

– Questo é il bacio di Tosca. «Вот Тоски поцелуй!» Ее слова, когда она закалывает Скарпиа.

– Ну конечно! Простите, но мой итальянский…

– В высшей степени недурен, синьорина Морель. – И вновь эта ледяная полуулыбка.

Она наклоняет голову в знак несогласия.

– Не думаю, синьор Греко. – Одна ее часть говорит, а другая продумывает способы и средства, просчитывает время, прикидывает пути эвакуации. Она лицом к лицу с целью, но совсем одна. И именно так – многократно давал ей понять Константин – будет всегда. Других участников быть не может – разве что косвенно, где-то совсем на периферии. Никакой страховки, никаких подготовленных отвлекающих маневров, никакой официальной помощи. Никаких неприметных людей, которые вытащат ее из камеры, и никаких машин, поджидающих, чтобы отвезти ее в аэропорт.

Они продолжают беседовать. Для Вилланель язык – вещь, лишенная постоянства. Большую часть времени она думает по-французски, но время от времени, просыпаясь, понимает, что видела сон на русском. Порой, когда она уже готова уснуть, в ушах начинает грохотать кровь – неодолимая,

простреливающая голову волна разноязыких воплей. В таких случаях она, одинокая в своей парижской квартире, приводит себя в норму часами веб-серфинга – чаще всего по-английски. Сейчас она отмечает, что проигрывает в голове сценарии на итальянском с оттенком сицилийского диалекта. Она не выбирала этот язык сознательно, просто он эхом отражается в ее голове. Осталось ли в ней хоть что-то от Оксаны Воронцовой? Существует ли еще та девочка, которая ночи напролет лежала в детдоме на пропитанной мочой простыне, строя планы мести? Или она теперь навсегда – исключительно Вилланель, элитное оружие эволюции?

Греко желает ее, она это видит. И чем дальше она играет впечатлительную юную парижанку с голубой кровью и наивными глазами, тем сильнее его желание. Он подобен крокодилу, что с мелководья следит, как газель медленно приближается к краю воды. По какой схеме это обычно разыгрывается? – гадает она. Ужин в ресторане, где его хорошо знают, – почтительные официанты, телохранители, развалившиеся за соседним столом, – а потом поездка на машине с шофером в старую скромную городскую квартиру?

– На все премьеры эта ложа забронирована за мной, – рассказывает он. – Греко еще до Габсбургов были в Палермо аристократами.

– В таком случае мне повезло, что я сюда попала.

– Вы останетесь на последний акт?

– С удовольствием, – полушепотом отвечает она под звуки

вступившего оркестра.

Опера продолжается, и Вилланель вновь увлеченно смотрит на сцену, ожидая того самого момента. Он наступает после великого дуэта «Amaro sol per te». Утихает последняя нота, и Аудитория взрывается аплодисментами, крики «Браво! Браво, Франка!» отражаются эхом от стен зала. Вилланель со сверкающими глазами аплодирует вместе со всеми и оборачивается к Греко. Их взгляды встречаются, и он, будто спонтанно, хватает ее руку для поцелуя. Она пару мгновений держит его взгляд, а затем, поднеся другую руку к волосам, расстегивает длинную изогнутую заколку, и темные распущенные волосы падают ей на плечи. Затем ее рука опускается, перед ней – размытое пятно, и заколка глубоко погружается в его левый глаз.

Его лицо немеет от шока и боли. Вилланель нажимает на крошечный поршень и впрыскивает в лобную долю его мозга смертельную дозу ветеринарного эторфина – мгновенный паралич. Она опускает его на пол и оглядывается по сторонам. Ее собственная ложа пуста, а в дальней ложе напротив едва различимая отсюда пожилая пара разглядывает сцену в театральные бинокли. Все взгляды прикованы к Фарфалье и тенору, поющему партию Каварадосси; оба неподвижно стоят, пока волна за волной взрываются аплодисменты. Перегнувшись через перегородку в свою ложу, Вилланель забирает сумку, отходит в тень и достает «ругер». Двойной щелчок заглушенных выстрелов внимания привлечь не может, а

от низкоскоростных пуль 22-го калибра на льняном пиджаке Греко едва ли лопнула даже нитка.

Аплодисменты уже стихают, когда Вилланель, пряча пистолет за спиной, открывает дверь ложи и с обеспокоенным видом подзывает телохранителей, которые, войдя, опускаются на колени рядом с телом босса. Еще два заглушенных выстрела с интервалом меньше секунды, и оба мужчины валятся на ковровое покрытие. Кровь струей бьет из входных отверстий в затылках, но недолго – мужчины с пулями в стволе головного мозга уже мертвы. Несколько долгих секунд Вилланель переполняют чувства от энергии убийства и от пронзительного чуть не до боли удовлетворения. Это именно то ощущение, которое секс обещает, но всегда недодает. Пару мгновений она, страстно задыхаясь, тискает себя через платье от Валентино. Потом кидает «ругер» в сумку, расправляет плечи и покидает ложу.

– Вы уже уходите, синьорина Морель?

Сердце в груди екает. По узкому коридору со зловещей грацией пантеры к ней направляется Леолука Мессина.

– Увы, это так.

– Очень жаль. А откуда вы знаете моего дядю?

Она пристально смотрит на него.

– Дона Сальваторе. Вы только что вышли из его ложи.

– Мы были знакомы раньше. А сейчас, если вы позволите, синьор Мессина…

Он секунду смотрит на Вилланель, затем твердым шагом

обходит ее и открывает дверь в ложу Греко. Через миг появляется оттуда с пистолетом в руках. Девятимиллиметровая «беретта шторм», машинально отмечает она, направляя ему в голову свой «ругер». Несколько мгновений они стоят неподвижно, потом он, прищурившись, кивает и опускает «беретту».

– Уберите, – командует он.

Она не реагирует, наводя оптиковолоконный прицел на основание его носа. Готовится пробить третий сицилийский ствол мозга.

– Послушайте, я рад, что этот ублюдок мертв. Но сейчас с минуты на минуту занавес опустится, и сюда хлынут люди. Если хотите выбраться, прячьте пистолет – и за мной.

Инстинкт подсказывает ей повиноваться. Они спешно проходят через дверь в конце коридора, спускаются по короткому пролету лестницы и оказываются в обитой малиновым штофом галерее, идущей вокруг партера.

– Возьмите меня за руку, – приказывает он, и Вилланель подчиняется. Навстречу им попадается швейцар. Мессина весело его приветствует, и тот улыбается:

– По-тихому сбегаете, синьор?

– Вроде того.

В конце галереи прямо под ложей Греко – дверь, отделанная тем же материалом, что и стены. Открыв ее, Мессина тянет Вилланель в небольшой вестибюль. Он отодвигает похожую на одеяло занавеску, и внезапно они оказываются за ку-

лисами, в тяжелой полутьме боковых декораций, где скрипуче орет музыка, передаваемая из оркестровой ямы по местной трансляции. То и дело из мрака выплывают мужчины и женщины в нарядах девятнадцатого века, монтировщики снуют в соответствии с расписанными задачами. Обняв Вилланель за плечи, Мессина торопливо ведет ее мимо вешалок с костюмами и столами с бутафорией, направляя в узкое пространство между задником и черной кирпичной стеной. Проходя мимо сцены, они слышат залп мушкетов. Казнь Каварадосси.

Снова коридоры, бесцветные стены, увешанные огнетушителями и инструкциями по эвакуации, и, наконец, они выходят через служебную дверь на площадь Верди, где в ушах – уличный шум, а над головой – лилово-синее небо. В пятидесяти метрах, у парковочного столба на улице Волтурно, стоит серебряно-черный мотоцикл «Агуста». Вилланель садится позади Мессины, и, низко прорычав выхлопом, они ускользают в ночь.

Проходит несколько минут, прежде чем до них доносятся первые полицейские сирены. Леолука направляется на восток, кружа по переулкам, его «Агуста» чутко реагирует на все острые изгибы и повороты. В просветах слева Вилланель мельком видит портовые огни и чернильно-черное мерцание моря. Люди на улицах бросают на них взгляды – на мужчину с волчьими чертами и на женщину в алом платье, – но это Палермо, слишком пристально никто не всматривается.

Улочки узкие, сверху на веревках сушится белье, а из открытых окон летят запахи домашней еды. И вот – темная площадь, заброшенный кинотеатр и барочный фасад церкви.

Вкатив мотоцикл на стоянку, Мессина ведет Вилланель по дорожке вдоль церкви и отпирает ворота. Они оказываются на окруженном стеной кладбище, в городе мертвых, где смутные очертания семейных надгробий и усыпальниц рядами простираются в темноту.

– Здесь похоронят Сальваторе, когда вытащат из него твои пули, – говорит Мессина. – Рано или поздно здесь похоронят и меня.

– Ты сказал, что желал ему смерти.

– Без тебя мне пришлось бы самому его пристрелить. Он был un animale[3]. Совсем слетел с катушек.

– Ты займешь его место?

Мессина пожимает плечами:

– Кто-нибудь, да займет.

– Рутинное дело?

– Вроде того. А ты? На кого работаешь ты?

– А это важно?

– Это важно, если потом настанет мой черед. – Он достает из нагрудной кобуры свою небольшую, но мощную «беретту». – Может, лучше убить тебя сейчас.

– Рискни, – отвечает она, вытаскивая «ругер».

Какое-то время они пристально смотрят друг на друга.

---

[3] Животное. (*ит.*)

Потом она опускает оружие, делает шаг и протягивает руку к его поясу.

– Перемирие?

Краткий, но бешеный секс – не убирая «ругер». После, положив для равновесия руку с пистолетом на плечо Мессины, она обтирается полой его рубахи.

– Что дальше? – спрашивает он, разглядывая ее со смесью восхищения и отвращения, в полутьме замечая, что асимметричный скос на верхней губе делает ее внешность отнюдь не чувственной, как ему казалось, а холодной и хищной.

– Дальше ты исчезнешь.

– Мы больше не встретимся?

– Моли об этом бога.

Он бросает на нее взгляд и уходит прочь. «Агуста» резко оживает и с рычанием растворяется в темноте. Пробираясь между надгробиями на склоне, Вилланель находит небольшую площадку возле украшенной колоннами усыпальницы. Из сумки она достает зажигалку «брикет», помятое хлопчатобумажное платье, пару сандалий толщиной с вафлю и шелковую сумочку-бананку. В бананке лежат 500 евро, авиабилет, паспорт и кредитная карта на имя Ирины Скорык, француженки украинского происхождения.

Поспешно переодевшись, Вилланель разжигает погребальный костер из платья от Валентино, документов, имеющих отношение к Сильвиане Морель, и зеленых контактных линз вместе с черным париком, которые она надевала сего-

дня. Огонь горит ярко, но недолго, и когда на месте костра остается лишь пепел, она кипарисовой веткой сметает его в кусты.

Двигаясь дальше вниз по склону, Вилланель находит ржавую калитку, откуда тропинка ведет в узкий переулок. Переулок сменяется дорогой пошире и пооживленнее, и Вилланель идет по ней на запад в направлении городского центра. Через двадцать минут у черного хода какого-то ресторана она находит искомое – большой мусорный бак на колесах, набитый кухонными отходами. Вилланель натягивает оперные перчатки и озирается. Убедившись, что ее никто не видит, погружает руки в бак и выуживает полдюжины пакетов. Один из них она развязывает и в вонючее месиво из пустых моллюсков, рыбьих голов и кофейной гущи запихивает сумку «Фенди» и «ругер». Затем возвращает пакет в бак и сверху прикрывает остальными. И наконец избавляется от перчаток. Вся операция не занимает и тридцати секунд. Потом она неспешно шагает дальше на запад.

На следующий день в 11 утра агент Паоло Велла из городского полицейского управления пьет с коллегой кофе у стойки кафе на площади Оливелла. Утро выдалось длинным: с самой зари он организовывал оцепление у главного входа в Театро Массимо, который теперь стал местом преступления. Люди в основном относились с пониманием и держались на расстоянии. Официальных сообщений не было,

но сейчас уже, похоже, весь Палермо знает, что убили дона Сальваторе Греко. Разных теорий полно, но, согласно основной гипотезе, преступление связано с его семейным бизнесом. Ходят слухи, что убийство совершила женщина. Но слухи ходят всегда.

– Ты только глянь, – вздыхает Велла, на время прогнав мысли об убийстве Греко. Коллега смотрит туда, куда глазами указывает Велла, – на оживленную улицу, где молодая женщина в голубом сарафане – сразу видно, туристка – остановилась посмотреть на внезапно взлетевшую стаю голубей. Рот приоткрыт, серые глаза сияют, утреннее солнце льет свет на короткую стрижку.

– Мадонна или шлюха? – спрашивает у Веллы его собеседник.

– Конечно мадонна, тут и разговоров быть не может.

– В таком случае, Паоло, она слишком хороша для тебя.

Он улыбается. На ослепленной солнцем улице время на миг застывает. Потом голуби начинают кружить над площадью, и женщина, покачивая длинными бедрами, продолжает свой путь, пока не исчезает в толпе.

Глава 2

Вилланель сидит в кресле у окна в южном крыле Лувра. Она в черном кашемировом свитере, кожаной юбке и ботинках на низких каблуках. Через сводчатое окно струится зимнее солнце, падая на белую мраморную скульптуру в натуральную величину. Это «Психея, оживленная поцелуем Амура», ее создал итальянец Антонио Канова в самом конце XVIII века.

Она прекрасна. Пробудившаяся Психея тянется к своему крылатому возлюбленному, ее руки обрамляют его лицо. Амур нежно поддерживает ее голову и грудь. В каждом жесте – любовь. Но Вилланель, которая уже час разглядывает входящих и выходящих посетителей, видит в творении Кановы мотивы потемнее. Может, Амур пытается внушить Психее ощущение ложной безопасности, а потом изнасиловать? Или, может, это Психея манипулирует им, изображая пассивность и женственность?

Все посетители, похоже, безотчетно принимают скульптуру за чистую монету романтики. Молодая пара со смехом копирует увиденные позы. Вилланель пристально наблюдает за ними, отмечая, как смягчается лицо девушки, как замедляются движения ее век, как ее губы перестают улыбаться и робко приоткрываются. Прокрутив несколько раз в уме эту последовательность, словно иностранную фразу, Вилланель

заносит ее в архив для дальнейшего использования. За двадцать шесть лет своей жизни она накопила богатый мимический репертуар. Нежность, сопереживание, смятение, вина, потрясение, грусть… Вилланель никогда не испытывала ни одной из этих эмоций, но умеет симулировать все.

– Дорогая! Вот ты где.

Вилланель поднимает взгляд. Это Анна-Лаура Мерсье. Как всегда опоздав, та расплывается в широкой виноватой улыбке. Вилланель улыбается в ответ, они целуются, не соприкасаясь губами, и неторопливо направляются на галерею второго этажа над лестницей – в кафе «Мольен».

– Хочешь секрет? – доверительно спрашивает Анна-Лаура. – Только не говори ни *единой душе*.

Это единственный в жизни Вилланель персонаж, приближающийся к понятию «подруга». Как ни глупо это звучит, они познакомились в салоне красоты. Анна-Лаура, миловидная экстравертка, которой, мягко говоря, немного одиноко, променяла работу в оживленном пиар-агентстве на брак с состоятельным человеком на шестнадцать лет старше ее. Жиль Мерсье занимает высокий пост в казначействе. У него вечно сверхурочная работа, и главная его страсть – это винный погреб и небольшая, но солидная коллекция часов XIX века в стиле ормолу.

Анне-Лауре хочется веселья, но при жизни с Жилем и его часами этот товар, увы, в дефиците. Они с Вилланель не успели еще дойти до изогнутой каменной лестницы, ведущей

в кафе, а она уже сыплет подробностями своей последней интрижки – с девятнадцатилетним бразильцем, танцором из кабаре «Паради Латен».

– Будь осмотрительнее, – предупреждает Вилланель. – Тебе есть что терять. И большинство твоих так называемых друзей побегут прямиком к Жилю, если заподозрят, что ты ходишь на сторону.

– Это точно, побегут. – Анна-Лаура вздыхает и берет Вилланель под руку. – Ты такая славная, знаешь? Никогда меня не судишь и всегда так переживаешь.

Вилланель сжимает плечо подруги.

– Ты мне небезразлична. И я не хочу, чтобы тебя обидели.

На самом деле Вилланель использует общение с Анной-Лаурой в собственных целях. У той хорошие связи, допуск к эксклюзивным прелестям жизни – показам от-кутюр, столикам в лучших ресторанах, членству в лучших клубах. Как компаньонка она неприхотлива, к тому же две женщины привлекают меньше внимания, чем одна. Минус лишь один – в сексуальных делах Анна-Лаура безрассудна, и рано или поздно Жилю точно укажут на какой-нибудь из ее грешков. Если это произойдет, Вилланель не хотела бы, чтобы он решил, будто она замешана в неверности его жены. Враждебное внимание со стороны высокопоставленного государственного чиновника – последнее, что ей нужно.

– А чего это ты сейчас не шортишь фондовый индекс Никкей или чем там занимаются внутридневные трейдеры? –

спрашивает Анна-Лаура, когда они наконец усаживаются за столик.

Вилланель улыбается.

– Даже суперкапиталистам требуется выходной. И потом, я хотела послушать про этого твоего парня. – Она оглядывается по сторонам: сверкающее серебро столовых приборов и стекло бокалов, цветы, картины, золотые струи света от ламп. Снаружи за высокими окнами небо стало серым, несущим снег; садик Каррузель почти обезлюдел.

За едой Анна-Лаура рассказывает о своей новой amour, и Вилланель иногда вставляет вежливые междометия. Но мыслями она не здесь. Прелести жизни, авторские наряды – это все замечательно, но после операции в Палермо прошли уже месяцы, и сейчас ей ужасно нужно вновь почувствовать, как колотится сердце в предвкушении действия. Более того, она хочет подтверждения, что ее ценят, что организация считает ее одним из лучших агентов.

Перед глазами по-прежнему стоит зловещая застройка добрянского СИЗО на другом конце света. «Стоило ли оно того?» – спросил ее тогда Константин. Стоило ли тратить свою жизнь, чтобы отомстить за отца, человека, который и сам плохо кончил? Если смотреть под таким углом, то, конечно, оно того не стоило. Но Вилланель знала: поверни время вспять – она поступила бы точно так же.

До халтуры на «Круг братьев» отец служил инструктором ближнего боя. Да, Борис Воронцов не был идеальным отцом,

он питал слабость к бабам и водке, а, отправляясь на боевую службу, спихивал ее в детдом, но все равно она – его плоть и кровь, а он – единственное, что у нее осталось после смерти матери.

Он не баловал ее подарками на день рождения и Новый год, но зато учил стоять за себя и разным другим вещам. У нее в памяти живы те дни, которые они проводили в лесу – боролись в снегу, стреляли из его старого служебного «макарова» по пивным банкам, продирались через березняк, сбривая ветки его спецназовским мачете. Поначалу она ненавидела этот клинок, он казался ей громоздким и неуклюжим, но отец продемонстрировал, что все хорошо к месту. И что, если пользоваться мачете умеючи, вес его лезвия и дуга траектории сделают за тебя всю работу.

Узнать имена убийц не составило труда. Они были известны всем – ведь в этом и смысл. Отец попытался обвести их вокруг пальца, но вышло неуклюже, и его пристрелили, бросив тело на тротуаре. На следующий вечер Оксана вошла в бар «Пони» на улице Пушкина. Троица, которую она искала, с хохотом выпивала у стойки. Она неторопливо, с обещающей улыбкой приблизилась, и те замолкли. Одетая в военторговскую куртку и джинсы из супермаркета – на шлюху вроде не похожа, но ведет себя по-шлюшьи.

Оксана постояла перед ними несколько секунд, переводя дразнящий, насмешливый взгляд с одного лица на другое. Затем внезапно припала на колено, выхватила мачете из

висящего за спиной холщового чехла и сделала резкий выпад, как учил отец. Полкило титанированной стали мелькнуло в воздухе, беспрепятственно прошло сквозь глотку первого мужика и глубоко вонзилось под ухо второму. Третий сунул руку к поясу, но поздно: Оксана уже отпустила мачете и выхватила «макаров». Она лишь смутно различала, что происходит вокруг, – звуки паники, приглушенные крики, пятящиеся люди.

Она выстрелила ему в разинутый рот. После выстрела, оглушительного в закрытом помещении, мужик пару мгновений просто стоял, вытаращив глаза, а из зияющей белой костью дыры в затылке сочились кровь и мозг. Затем его ноги подкосились, и он рухнул на пол рядом с первым, который почему-то все еще оставался на коленях – из пузырящегося разреза под подбородком шел безысходный звук допиваемого молочного коктейля. Со вторым тоже, как оказалось, еще не все. Он в позе зародыша лежал в растекшейся красной луже, беспомощно шевеля ступнями и хватаясь за мачете, торчащее из шеи у нижней челюсти.

Оксану раздражало, что они никак не могут умереть. Больше всех ее выводил из себя мужик на коленях, издававший тошнотворный молочно-коктейльный звук. Она тоже опустилась рядом на колени, насквозь вымочив в крови свои джинсы «Космо». Его взгляд затуманился, но в глазах по-прежнему читался немой вопрос. «Я его дочь, п…дюк», – прошептала она и, прижав «макаров» к его затылку, нажала

на спуск. Выстрел вновь прозвучал ужасно громко, и во все стороны разлетелись мозги, но зато прекратилось отстойное шипение.

– Chérie!

Она на мгновение жмурится. Ресторан плавно возвращается в зону резкости.

– Прости, замечталась… Что ты сказала?

– Может, кофе?

Вилланель улыбается терпеливо застывшему над ней официанту:

– Маленький эспрессо, пожалуйста.

– Если честно, дорогая, мне порой любопытно, в каких мечтах ты витаешь. Это кто-то, о ком ты мне не говоришь?

– Нет. Не волнуйся, ты узнаешь первая.

– Хорошо бы. Ты бываешь такой таинственной. Нам нужно почаще выбираться куда-нибудь вместе, и я не о магазинах или модных показах. Я имею в виду… – Кончик пальца скользит вниз по леденистой ножке бокала с шампанским. – Что-нибудь *повеселее*. Можно сходить в «Зеро Зеро» или в «Энконню». Познакомиться с новыми людьми.

Из сумки Вилланель слышен сигнал телефона. Однословная эсэмэска: СВЯЗЬ.

– Мне нужно бежать. Работа.

– Ну пожалуйста, Виви, ты невыносима. Ты даже не выпила кофе.

– Обойдусь.

– Ты такая *скучная*.

– Знаю. Прости.

Через два часа Вилланель сидит в кабинете, в своей квартире у Порт-де-Пасси. За зеркальным окном – холодное стальное небо.

В сообщении – пара строчек текста о лыжном катании в Валь-д'Изере, а во вложении – полдюжины фотографий оттуда. Вилланель извлекает пароль и получает доступ к данным, вшитым в изображения. Это лицо, снятое под разными углами. Лицо, которое остается в ее памяти вместе с сопровождающим текстом. Новая цель.

Темз-хаус, штаб-квартира британской службы МИ-5, находится в Вестминстере на Миллбанке. В самом северном офисе на третьем этаже Ева Поластри смотрит сверху на Ламбетский мост и на сморщенную от ветра поверхность реки. Сейчас четыре часа, и она только что со смешанными чувствами узнала, что не беременна.

У соседнего компьютера ее заместитель Саймон Мортимер ставит чашку на блюдце.

– Список на следующую неделю, – говорит он. – Ну что, просмотрим?

Ева снимает очки для чтения и протирает глаза. «Мудрые глаза», как говорит ее муж Нико, хотя ей всего двадцать девять, а он на десять лет старше. Они с Саймоном работают вместе чуть больше двух месяцев. Их отдел П-3 – подраз-

деление Объединенной аналитической группы, задача которого – оценивать угрозу лицам «повышенного риска», посещающим Соединенное Королевство, и в случае необходимости запрашивать у столичной полиции специализированную поддержку.

Во многих отношениях это неблагодарное занятие, поскольку полицейские ресурсы небезграничны, а специализированная поддержка – дело недешевое. Но при этом, если оценка окажется ошибочной, последствия будут катастрофическими. Как сказал ей однажды бывший начальник отдела Билл Трегарон еще до того, как его карьера покатилась под откос: «Если ты думаешь, что живой экстремист-проповедник – это геморрой, подожди, пока столкнешься с мертвым».

– Ну давай, – отвечает Ева Саймону.

– Пакистанская писательница Назрин Джилани. Выступает в следующий четверг в Оксфордском союзе. Ей несколько раз угрожали расправой.

– Это серьезно?

– Вполне. В Управлении спецопераций согласились выделить для нее людей.

– Давай дальше.

– Реза Мокри, иранский ядерный физик. Тут снова – полная защита.

– Хорошо.

– Теперь этот русский, Кедрин. А вот здесь я не уверен.

– В чем ты не уверен?

– Насколько серьезно мы должны к нему отнестись. В смысле, мы не можем просить полицию нянчиться с каждым полоумным политиком-теоретиком, который появляется в Хитроу.

Ева кивает. Ее лицо без макияжа и спутанные волосы, собранные на макушке в нечто бесформенное, создают впечатление о ней как о человеке, которого мало заботит чужое мнение о ее миловидности. С первого взгляда можно решить, что она занимается наукой или работает в элитном книжном магазине. Но что-то в ее внешности – спокойствие, жесткий взгляд – рассказывает совсем иную историю. Коллеги знают Еву Поластри как охотника, как женщину, которая легко не отступит.

– Кто запросил защиту для Кедрина? – спрашивает она.

– «Евразия ЮК», группа, которая организует его визит. Я навел справки, это…

– Я знаю, что это.

– Тогда ты понимаешь, о чем я. Они скорее чокнутые, чем опасные. Вся эта фигня о мистической связи между Европой и Россией, об объединении против экспансии коррумпированных Штатов…

– Знаю. Это дикость. Но дефицита поддержки они не испытывают. В том числе в Кремле.

– И Виктор Кедрин – их лицо.

– Он главный идеолог. Символ всего движения. Очевид-

но, харизматичная фигура.

– Но едва ли ему что-то угрожает именно сейчас и именно в Лондоне.

– Может быть, нет, а может, да.

– В смысле? От кого может исходить угроза? Американцы, разумеется, не без ума от него, но не станут же они запускать боевых дронов на улицу Хай-Холборн.

– Он будет там жить?

– Да, в каком-то заведении под названием «Вернон Отель».

Ева кивает.

– Наверно, ты прав. Не стоит беспокоить Команду защиты по поводу господина Кедрина. Но думаю, имеет смысл побывать на его выступлении – ведь он же будет встречаться с правоверными из «Евразии ЮК»?

– Конвей-Холл. Следующая пятница.

– Хорошо. Держи меня в курсе.

Саймон склоняет голову в знак согласия. Ему только двадцать с небольшим, но в манерах – архиторжественность столичного викария.

Авторизовавшись, Ева выводит на экран список ВУУБ – то есть «высокий уровень угрозы безопасности». Он доступен дружественным разведслужбам, включая организации с переменным статусом «дружественности» типа российской ФСБ и Управления уголовных расследований Пакистана, и представляет собой базу данных с именами известных на на-

стоящий момент международных наемных убийц. Не местных головорезов или снайперов «приехал-уехал», а убийц экстра-класса, которых привлекают для политических дел по расценкам, доступным только состоятельным людям самого высокого уровня. Некоторые пункты в списке пространны и подробны, в других – лишь кодовое имя, добытое в ходе слежки или допросов.

Два года назад Ева начала вести собственный список случаев, когда после убийства значимых фигур не появилось ни единой зацепки. Она все время мысленно возвращается к делу балканского политика Драгана Хорвата. Тот был чрезвычайно мерзким типом, промышлял торговлей людьми и много чем еще, но это не спасло карьеру Билла Трегарона, когда Хорвата убили прямо у него под носом, в центре Лондона. Билла сняли с поста и откомандировали в Центр правительственной связи, в провинциальный Челтнэм, а его бывший заместитель Ева превратилась в руководителя отдела П-3.

Хорвата убили, когда тот приехал в Лондон со своей девчонкой Иремой Беридзе, семнадцатилетней героиновой наркоманкой из Тбилиси. Официально он посещал Лондон в составе правительственной торговой делегации, но на самом деле основную часть времени шлялся с Иремой по магазинам. Не успели они выйти из японского ресторана в плохо освещенном бейсуотерском переулке, как в Хорвата врезался какой-то прохожий, едва не сбив с ног.

Испытывая душевный подъем, усугубленный сакэ, Хорват

поначалу не понял, что в него воткнули лезвие. Более того, он даже извинился перед удаляющейся фигурой, а уже потом увидел, что в паху у него хлещет кровь. От потрясения он разинул рот и опустился на брусчатку в тщетных попытках пережать распоротую бедренную артерию. Спустя две минуты он был уже мертв.

Дрожа и не врубаясь в происходящее, Ирема так и стояла у тела, пока через четверть часа из ресторана не вывалилась компания японских бизнесменов. По-английски они говорили небезупречно, а она – вообще никак, так что на вызов «Скорой» ушло еще минут десять. Ирема долго не могла прийти в себя и поначалу твердила, что ничего не помнит. Обстоятельный допрос, проведенный Управлением спецопераций с грузинским переводчиком, выявил лишь один факт: убийцей была женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.